

МОДУСЫ АВТОРИЗАЦИИ И ВОСПОМИНАНИЯ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Статья посвящена описанию модусных смыслов авторизации и воспоминания в диалектном высказывании. Проанализирована реализация в диалектной речи модусов авторизации и воспоминания. Осуществляется попытка проследить их взаимосвязь. Описываются средства выражения модусных смыслов авторизации и воспоминания. Прослеживается взаимосвязь указанных модусных смыслов с модусной категорией персуазивности. Названный аспект анализа рассматривается на материале русских говоров Среднего Приобья. Источниками материала послужили аудиозаписи речи диалектоносителей, старожилов сёл Парабельского района Томской области.

Ключевые слова: модус; модусные смыслы; модусная категория; категория авторизации; модус воспоминания; персуазивность; диалектное высказывание; диалектная речь.

В настоящее время исследование модусных смыслов является приоритетным, что обусловлено антропоцентрическим подходом к современным лингвистическим изысканиям. Наш интерес вызывают два наиболее актуальные и частотные в семантике диалектного высказывания модуса – авторизация и воспоминание.

В данной статье ставится задача проанализировать реализацию в диалектной речи модусов авторизации и воспоминания. Исследование проводилось на материале русских старожиловских говоров средней части бассейна р. Оби, получивших комплексную лексико-графическую обработку в трудах томских диалектологов [1]. Источниками материала настоящей работы послужили аудиозаписи речи диалектоносителей, полученные автором в июле 2014 г. в результате экспедиции филологического факультета Томского государственного университета в старожиловские сёла Парабельского района Томской области (с. Парабель, с. Нестерово, с. Новосельцево). Представленный в статье материал сопровождается пометами, обозначающими территориальную отнесенность [Область. Село].

Модусная категория авторизации на материале русского языка достаточно исследована в научной литературе. Так, структурные модели авторизации описаны Г.А. Золотовой [2]. Определено место данной категории в ряду субъективных элементов содержания высказывания [3]. Основные аспекты категориальной семантики авторизации представлены в работах А.Г. Етко [4]. Изучению выражения категории авторизации в жанре статьи научного стиля посвящено исследование С.В. Гричина [5]. Вопросу реализации категории авторизации в диалектной речи уделялось внимание в публикациях Т.А. Демешкиной [6, 7].

Авторизация относится к обязательным квалификативным категориям модуса, выражающим субъективные, идущие от говорящего смыслы, и предполагает указание на источник информации, а также квалификацию способов ее получения. По мнению Т.В. Шмелёвой, «автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых» [3. С. 35]. Специально выражаются чужая информация, пересказ, цитирование; для передачи информации «от себя» (стандартная форма изложения информации) средства выражения могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Типичные показатели катего-

рии авторизации в литературном языке варьируются «от предложно-именной формы имени (для него, по его мнению) до двусоставной глагольно-именной модели (я вижу, он наблюдает, он считает) либо ее “обезличенных” вариантов, с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (представляется, считается и т.п.)» [8. С. 264].

В диалекте семантика авторизации выражается собственными языковыми показателями, которые могут быть как минимальными, так и более информативными, представленными развернутыми конструкциями, самостоятельными предложениями: *Я говорю: «Ну что, пойду домой». А он говорит: «Ну, а проводить Вас можно?»*. *Я говорю: «Да потом не прийдёшь»*. *Я говорю: «Я за большим ручьем живу, ты не найдешь потом»*. *«Найду», – говорит*. [Том. Пар.]; *Он приехал да говорит: «Нина, ты, говорит, давай-ка в милицию его устроишь на работу»*. *Я говорю: «Не возьмут»*. *«Возьмут», – говорит*. *«Скажи, что вот он безотцовщина, и всё»* [Том. Пар.]; *Церковь тоже чё-то, написано в газете, что она... поставили чё-то, я не ходила, не узнавала, не видала* [Том. Новос.]. Наиболее частотными средствами выражения категории авторизации в диалекте являются глаголы, имеющие в лексическом значении сему говорения и совмещающие функцию авторизации с модусом оценки речевого поведения диалектоносителя *говорить, сказать, рассказывать, ворчать, врать* и др., маркер *гыт*, частицы *мол, дескать*, вводные слова *по-моему, кажется*, глаголы с семантикой зрительного и слухового восприятия *глядеть, видеть, слышать, слышать, ментальный предикат думать* и др., например: *Я им сколько раз говорила: «Людка, куда эти жернова не девай, пускай они, это память молодёжи потом будет»* [Том. Пар.]; *Ну вот мне дуре потом-то подсказали: «Ты куда дела ее [сорочку]?»* [Том. Пар.]; *Она на перемене ревет: «Девчонки, кому лепендырки надо?»* [Том. Пар.]; *А потом сказали: «Родственникам всем выйти, а призывникам всем построиться»* [Том. Новос.]; *Думаю, мне уже скоро туда, зачем я пойду брать* [Том. Новос.].

Размышляя о природе категории авторизации, Т.В. Шмелёва [3] обратила внимание на ее связь с другими модусными категориями, в частности с категориями персуазивности и оценочности. Наряду с этим в диалектном высказывании также обнаружива-

ется «сотрудничество» авторизации с языковыми категориями персонализации, чуждости, с метакатегориями речевых жанров неуверенного («гадательно-го») предположения [9, 10], воспоминания [11–13], автобиографического рассказа [14]. Как отмечает А.В. Ревякина, «причина взаимовлияния логически вытекает из асимметрии языкового знака: поскольку одна и та же языковая форма может передаваться разными языковыми средствами, постольку в языке возможны сосуществование и активное “сотрудничество” различных категорий» [15. С. 47].

В диалектном высказывании модус авторизации взаимодействует с менее изученным модусом воспоминания.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой понятие «воспоминание» трактуется как «то, что сохранилось в памяти, мысленное воспроизведение этого, возобновление представлений о ком, чем-л.» [16. С. 215]. Таким образом, смыслом коммуникативной ситуации является «извлечение из памяти и вербализация информации о каких-либо событиях, имевших место в прошлом» [13. С. 169]. Воспоминание представляет собой «один из важнейших компонентов диалектного речевого общения, является средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации» [11. С. 101].

Причины обращения говорящего в прошлое, по словам А. Вежбицкой, – «говорю это, потому что хочу представить заново некоторые вещи, которые случились в моей жизни» [17. С. 106]. В своей речи информанты, носители традиционной народной культуры, воспроизводят то, что сохранилось в памяти, как бы «отступают в прошлое», повествуя о давно прошедших событиях. Диалектоносители затрагивают множество тем, связанных с прошедшими событиями жизни семьи, села, с глобальными, масштабными, социальными перипетиями страны (война, политика), с устройством быта и труда, с взаимоотношениями между людьми: *Молодежь у нас была хорошая* [Том. Пар.]; *У нас сапожники здесь тоже были* [Том. Пар.]; *Я ездила, когда война была, я ездила на коровах* [Том. Пар.]. В центр повествования попадают циклично повторяющиеся события, организующие сельскую жизнь: покос, молотба, рыболовство, сбор урожая и т.д.: *А ешо, когда в школе учились, колоски ходили собирать, лен дергали, картошку копали... это... колхозную ходили, турнепс дергали* [Том. Пар.]; *Пестики рвали* [Том. Пар.]. Память диалектоносителей воспроизводит как значительные факты жизни, так и незначительные события, например: *Уже самогo нету 47 лет, как он в земле. Я соврала, 44, 47 [лет] мы вот тут живем, 48-й пошел, вот в этой гнилушке я живу* [Том. Пар.]; *Пестики рвали. Вот счас дак я и не вспомню даже, помню, что вот така головка у них, а сами тоненькие стебли у них* [Том. Пар.]. Восстанавливая события по памяти, говорящий часто воспроизводит в своей речи чужие реплики или даже целые диалоги: *А потом командир подошел, говорит: «Всем отойти»* [Том. Новос.]; *А этот в рупор кричит, капитан: «Освободите борт, освободите борт, освободите борт!»* [Том. Новос.]; *Нина мне говорит: «Ты*

мне пришли сколько-нибудь свёклы» [Том. Нест.]; *Ну, приехали, тут к одному заехали и говорит: «У нас вот из армии Алексей пришел, может, говорит, девчонка кака тут путная у вас есть». А они сразу показали. Говорят: «А у Веруси есть, говорят, девчонка, те-то, говорит, замуж вышли, а одна ешо, говорит, Нинка есть, посмотрите, говорит, хочете»* [Том. Пар.].

«Отступ назад во времени» чаще всего обеспечивается формами прошедшего времени, а также наречиями с временной семантикой *тогда, раньше: Полотенца раньше ткали* [Том. Пар.]; *Тогда было очень много рыбы* [Том. Пар.]; *Раньше-то была хорошая рыба* [Том. Новос.]; *Семья у моей мамы была раньше 42 человека* [Том. Новос.]. Они задают вектор ретроспекции, указывая на события прошлого.

Проблема изучения статуса воспоминания, его места и роли в семантической и коммуникативной организации высказывания требует внимания исследователей. Так, к понятию воспоминания в жанроведческом аспекте обращались Л.Г. Гынгазова [13], Т.А. Демешкина [11, 14], С.В. Волошина [14], Н.В. Лагута [12], Я.В. Мызникова [18], которые определяли воспоминание как речевой жанр, имеющий ретроспективную направленность.

С нашей точки зрения, место речевого жанра в целом в системе модусных категорий достаточно четко определено в трудах Т.В. Шмелёвой [3, 19]. По мнению автора, речевой жанр является одним из смыслов метааспектов модуса, обеспечивающих «осмысление высказывания относительно условий и условностей общения» [3. С. 30]. Тем самым подчеркивается модусный характер речевого жанра воспоминания. О воспоминании как о модусе, который обеспечивает временной сдвиг, рассуждает Е.В. Падучева: «Отступ назад во времени обеспечивается модусом воспоминания» [20. С. 397], мало исследованным, широко представленным в мемуарной, исповедальной, художественной литературе. Исследователь соотносит модус воспоминания с модусом знания: модус воспоминания позволяет «оправдать “переключение внимания” адресата на какой-то участок области знания» [Там же. С. 399]. Попытку дать определение модуса воспоминания и представить арсенал средств его выражения предпринимает Н.П. Перфильева [21]. Исследователь, а вслед за ней и Т.И. Кораблина, рассматривают модус воспоминания как необязательную модусную категорию [21, 22], следовательно, вводить или не вводить этот смысл в высказывание, решает его автор. План содержания модуса воспоминания «состоит в том, что говорящий обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти» [21. С. 35]. В высказываниях с модусом воспоминания объективная информация осложняется субъективным отношением говорящего («как я помню»), наблюдается «субъективная сторона процесса интерпретации события, произошедшего когда-то в прошлом» [Там же].

Эксплицитные средства выражения модуса воспоминания – лексико-синтаксические (глаголы *помню*,

помнится в позиции вводных слов, главной части изъяснительной конструкции), иногда в сочетании с грамматическими средствами в виде вопросительных предложений, вставок, неопределенных местоимений, изъяснительной конструкции *когда это было, не помню*. С помощью данных средств выражения говорящий преследует цель высказать собственное видение ситуации, происходившей в прошлом, ввести личностный взгляд на ситуацию, донести точку зрения до адресата и маркировать его внимание на степени погрешности в точности воспроизведения передаваемых событий.

Всё, о чем сообщает информант, попадает в ментальное пространство памяти, поэтому модус воспоминания в диалектном высказывании обслуживается преимущественно посредством слов с семой «память»: предикатами *помнить, вспомнить*, называющими ментальную операцию воспоминания / припоминания, конструкциями со словом *память*: *Я как помню, был у меня дедушка, была у меня бабушка* [Том. Пар.]; *Я как щас вспомню, у нас всегда в амбаре была рыба* [Том. Пар.]; *У меня уже, конечно, память не та, вы чё хотели, ну-ка поживи столько и всё это знать-помнить* [Том. Пар.]. Основным показателем – глагол *помнить* в форме 1-го лица, единственного числа: *Хотели меня в детдом взять, пришли, говорит, как счас помню, раньше почему-то печки дымили, говорят, ты вся в саже, а я говорю: «Хоть сажу, а в детдом не пойду»* [Том. Нест.]; *Всё помню. Вот, честное слово, всё помню* [Том. Новос.]; *Я помню эту войну: у нас нечего было ни носить, ни кушать* [Том. Новос.]. В высказываниях актуализируется не только такой фактор введения модусной рамки воспоминания, как длина «отступа во времени» / дистанция во времени (*по прошествии многих лет*), но и субъективная позиция диалектоносителя, который испытывает неуверенность в качестве, адекватности воспоминаний: *А кто их знает, какие там названия, всякие разные названия, я чё-то даже и не помню даже, названия какие* [Том. Пар.].

«Ситуацию воспоминания» Е.С. Яковлева определяет как «ретроспективное непосредственное восприятие», отмечая, что «если говорящий вспомнил события, он располагает о них характерной информацией» [23. С. 226]. «Характерная информация» получена говорящим путем непосредственного чувственного восприятия, контакта с предметом речи. Сигналом того, что воспоминание для информанта – это «сознание о бывшем воспринятом бытии» (выражение Э. Гуссерля) [24. С. 61] и что говорящий передает информацию, полученную путем непосредственного чувственного восприятия, является наличие слов типа *это, что ли, как его (ее) и др.*: *Ну, видят, что парень башковитый, его взяли в эту... как ее... ой, оружьями... поставили сразу, ну, на систему на оружную, чтобы выдавать оружие там этим* [Том. Пар.]; *И этот жених привез со своего лесозащита две бутылки, что ли* [Том. Новос.]. Образная память диалектоносителя репрезентируется авторизующими предикатами *смотреть, видеть, глядеть*, маркирующими информацию, полученную путем непосредственного наблюдения: *Я видела, я видела, со снохой пошли мы, когда его увезли* [Том. Пар.]; *Сели за стол,*

ну вижу: парень, вон он у меня на фотокарточке сидит, мы с ним сидим [Том. Пар.]; *Вот было рыбы! Смотришь, такие все большие, здоровущие* [Том. Пар.].

Характерным признаком высказываний, в которых осуществляется «ситуация воспоминания», является наличие авторизационных показателей, указывающих на носителей информации: представителей старшего поколения, близких родственников и т.д.: *Все мне рассказывали, что у меня был дедушка как купец* [Том. Пар.]. Показатели авторизации диалектоносителя вводятся, видимо, с целью создания объективной картины. Средства чужой речи используются в качестве «универсального пограничного маркера своей / чужой речи» [12]. В нашем материале используются глаголы достаточно широкой семантики – *говорить, сказать, рассказывать*. Глагол *говорить* часто употребляется для обозначения источника информации, представленного обобщенно или неопределенно: *Раньше-то была хорошая рыба. Но где-то и сейчас, говорят, только перекрыли, не знаю, правда-нет* [Том. Нест.]. Переноса прошлое в ситуацию общения, диалектоноситель и его собеседники как бы становятся свидетелями происходившего, при этом авторизационные показатели предшествуют передаче чужой речи: *Мать мне звонит: «Нина, срочно в больницу»* [Том. Пар.]; *А мама мне говорит: «Иди-ка ты к тетке Анисье, позови ее, пускай она ему живот по-смотрит»* [Том. Пар.]; *Маруся Хренова мне говорит: «Иди туда, в кухню, говорит, чисти стерлядок»* [Том. Пар.].

Цитирование и самоцитирование при воспоминании диалектоносителя создают эффект достоверности, фактической точности: *Я скажу: «Мама, ты вот неправильно-то слово говоришь». Она мне говорит: «Валектинэ, нас ране, бывало, отец грамоте не учил»* [Том. Пар.]; *Милиция пришла: «Бабушка, где у тебя было?». Я говорю: «Вон там вот». Батюшке сказала. А он говорит: «Считай, что ты его [лук] Господу Богу подарила». Я говорю: «Ну, ничё себе»* [Том. Пар.]. Анализ материала позволяет, таким образом, согласиться с мыслью Н.П. Перфильевой о том, что «модусные смыслы авторизации и воспоминания пересекаются с модусом персуазивности, который “отвечает” за квалификацию информации со стороны ее достоверности, но не объективную, а с точки зрения говорящего, иначе говоря, персуазивность есть уверенность или неуверенность говорящего в достоверности излагаемой им информации» [3. С. 37]. В связи с этим можно говорить о разной степени припоминания. Говорящий может предъявлять свои воспоминания как точные, фотографически отражая события прошлого: *Я помню, как война начиналась, девочки, истинный Бог помню* [Том. Новос.]. В других случаях воспоминания диалектоносителя неточны, что обусловлено свойствами памяти (говорящий вспоминает давно прошедшие, стершиеся в памяти события): *Да я уж это и забыла, какие сказки там бывают, кто ее знает. Теперь уже все это забыто. Сказок я чё-то не помню. Может, и были сказки* [Том. Пар.]. В этом случае средством выражения модуса воспоминания является показатель *не помню*: *А я уже чё-то не помню, то ли нам платили за это, не платили* [Том.

Пар.]; *Чё-то я не помню ничё* [Том. Пар.]; *Сказок я чё-то не помню* [Том. Пар.]; *Я сама лично с одной женщиной увозили в Томск продавали [масло], теперь не помню, почем килограмм* [Том. Пар.]; *Папа у меня погиб в 44-м году, в октябре месяце, не помню, какого числа* [Том. Новос.]; *А кто их знает, какие там названия, всякие разные названия, я чё-то даже и не помню даже, названия какие* [Том. Пар.]. Компонент «память» синтезирует комплекс субъективных смыслов, в первую очередь, авторизационных и персуазивных [11. С. 102]. Сигналами сомнения в достоверности информации в говорах чаще всего выступают маркёры *кажется, наверно, может быть, что ли* и др. Говорящий, вспоминая что-либо непосредственно относящееся к описываемым событиям, допускает неточности, признается о том, что многое забылось, что объяснимо возрастом информантов и нелегкой прожитой жизнью: *Я уже все перезабыла* [Том. Пар.]; *Бабушка у меня прожила 115 лет, это как говорят, но может быть, неправда, это я точно не знаю* [Том. Пар.]; *[А у вас здесь сочиняли песни?]. Да чё-то уж не помню. Поди, и сочиняли* [Том. Пар.]; *Дояркой я проработала то ли года четыре, чё ли, не помню* [Том. Пар.]; *Память у меня хорошая была. Шас уже не то стало, забываю многое* [Том. Пар.]. В данных высказываниях актуализируется временная дистанция (давность событий), а также субъективная позиция говорящего, который испытывает сомнения в качестве воспоминаний. На осуществленность припоминания указывают паузы между частями высказывания, неопределенные наречия *как-то, где-то,*

модальные слова и частицы со значением сомнения, недостоверности *вроде, либо как, кажется, однако, что ли. Сколько-то уж, много чё-то, ну вообще, человек 10, чё ли, было. Перезабыла уже, сколько их тут было [сестер]* [Том. Пар.]; *Нету никакой ни мази, никого не было, не брали, а как-то чё-то забыла уже, как кусали, не кусали* [Том. Нест.]. Диалектоноситель проявляет осторожность, употребляя модальные слова и частицы как извинение за ненадежность, неточность информации, что обусловлено дистанцией во времени, особенностями языковой личности (ее возрастом, типом личности и т.д.). Лексемы *по-моему, мне кажется* являются одновременно маркёрами источника информации и передают семантику предположения, сомнения говорящего в достоверности передаваемой информации: *Верётна отдавала Татьяне, по-моему, помню* [Том. Пар.]; *У меня дедушка был, его раскулачили. У него было, по-моему, три сына и три дочери* [Том. Пар.]. Причины такой неуверенности кроются в том, что диалектоноситель припоминает события давно прошедшие, уже стершиеся в памяти.

Таким образом, отметим, что в системе модусных смыслов модусы авторизации и воспоминания могут взаимодействовать друг с другом, с другими модусами, в частности с категорией персуазивности, при этом средства выражения сосуществующих модусных смыслов пересекаются, становятся комплексными. Компонент «память» является характерным для диалектного высказывания и влечет за собой проявление субъективных смыслов, в том числе авторизационных и персуазивных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе: Итоги и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3 (15). С. 31–32.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 351 с.
3. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988. 54 с.
4. Етко А.Г. Категория авторизации: основные аспекты категориальной семантики // Acta Linguistica. Sofia, 2007. № 2. Vol. 1. P. 3–9.
5. Гричин С.В. Авторизация в научном стиле современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 19 с.
6. Демешкина Т.А. Специфика проявления категории авторизации в диалектной речи // Севернорусские говоры от Архангельска до Камчатки: генезис, функционирование, тенденции развития : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н.Г. Ильинской. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. С. 33–40.
7. Демешкина Т.А. Маркеры авторизации в диалектной речи // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке». Тамбов, 2013. С. 25–28. Ч. 8.
8. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во РАН, 2004. 544 с.
9. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
10. Воронова Е.С. Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 18–21.
11. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
12. Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. Формы существования современного русского языка / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск : АмГУ, 2005. С. 82–96.
13. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 167–174.
14. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
15. Ревякина А.В. Взаимодействие категории персуазивности с другими модусными категориями // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2006. Ч. 2. С. 47–50.
16. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1.
17. Вежибицкая А. Жанры речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 99–112.
18. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности речевого жанра «рассказ-воспоминание» // XLIII Международная филологическая конференция. Тезисы. СПб., 2014. С. 256–257.
19. Шмелёва Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.
20. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996. 480 с.
21. Перфильева Н.П. Модус воспоминания: между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) // Дискурс лжи и ложь как дискурс : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск, 2013. С. 24–33.

22. Кораблина Т.И. Модус «Воспоминание»: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришкова) // Филология и человек. 2013. № 2. С. 139–144.
23. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. 343 с.
24. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1 : Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. 102 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2014 г.

MODUSES OF AUTHORIZATION AND RECOLLECTION IN DIALECTAL SENTENCE

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 22-27.

Latfulina Zulfiya R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lazur811@rambler.ru

Keywords: modus; modus meanings; authorization; persuasion; recollection; dialectal sentence; dialectal speech.

The paper deals with the analysis of the modus meanings of authorization and recollection in the dialectal sentence. The paper makes an attempt to analyze the interaction of the modus qualifying category of authorization and the modus of recollection in dialectal speech. Sources of the material for this article are audio recordings of speech of Siberian old residents made by the author in July 2014 as a result of the dialectal expedition of the Philological Faculty of Tomsk State University in the villages of Parabelsky District of Tomsk Oblast. The category of authorization is presented as a modus qualifying category which indicates the author or the source of information or the way of this information receiving. The most frequent indicators of the category of authorization in the dialectal sentence are verbs of speaking *to say, to tell, to grumble*, expressions *in my opinion, it seems*, verbs with the semantics of visual and auditory perception *to see, to look, to hear*, the mental predicate *to think*. As a result of the research, the connection between the category of authorization and the modus of recollection in the dialectal sentence is established. Recollection is “one of the most important components of dialectal speech communication” [Demeshkina 2000]. Recollection is “a means of preservation and transmission of the most significant cognitive, cultural, aesthetic and social information” [Demeshkina 2000]. “Stepping back in time” [Paducheva 1996] is provided by the modus of recollection. Perfilieva N. P. makes an attempt to define the modus of recollection [Perfilieva 2013]. The author examines the modus of recollection as an optional modus category. The content of this category is that the speaker refers to the events that they witnessed in the past, and focuses the addressee’s attention on the degree of error in the accuracy of information reproduction [Perfilieva 2013]. The modus of recollection is expressed by words with the seme “memory”, constructions with the word “memory”: *remember, recollect* and others. The memory of the speaker is represented by authorizing predicates *to look, to see* that mark information obtained by direct observation. The component “memory” synthesizes the complex of subjective meanings, primarily, authorization and persuasion [Demeshkina 2000]. Signals of doubts about the accuracy of the information are the indicators *it seems, probably* and others. Thus, we note that most relevant and frequent categories in the semantics of the dialectal sentence are the moduses of authorization and recollection. They actively interact with each other and with other modus categories.

REFERENCES

1. Demeshkina T.A. Lexicographic studies of Tomsk Dialect School. Results and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 3 (15), pp. 31-37. (In Russian).
2. Zolotova G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 351 p.
3. Shmeleva T.V. *Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa “Sovremennyy russkiy yazyk”* [Semantic syntax: text of lectures on modern Russian language]. Krasnoyarsk, 1988. 54 p.
4. Etko A.G. Kategoriya avtorizatsii: osnovnye aspekty kategorial'noy semantiki [Category of authorization: basic aspects of categorical semantics]. *Acta Linguistica*, 2007, no. 2, vol. 1, pp. 3-9.
5. Grichin S.V. *Avtorizatsiya v nauchnom stile sovremennogo russkogo yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Authorization in the scientific style of modern Russian. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2003. 19 p.
6. Demeshkina T.A. [Specifics of the category of authorization in dialect speech]. *Severnorusskie govory ot Arkhangel'ska do Kamchatki: genezis, funktsionirovaniye, tendentsii razvitiya: sb. nauch. tr. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Northern Russian dialects from Archangelsk to Kamchatka: Genesis, operation, development trends: Proc. of I International Scientific and Practical Conference]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2013, pp. 33-40. (In Russian).
7. Demeshkina T.A. [Markers of authorization in dialect speech]. *Materialy mezhdunarodnoy zaachnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Nauka i obrazovanie v XXI veke”* [Proceedings of the international correspondence scientific-practical conference “Science and education in the 21st century”]. Tambov, 2013, pt. 8, pp. 25-28. (In Russian).
8. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: RAS Publ., 2004. 544 p.
9. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 576 p.
10. Voronova E.S. The speech genre of assumption in dialect communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp. 18-21. (In Russian).
11. Demeshkina T.A. *Teoriya dialektного высказывания. Aspekty semantiki* [Theory of dialect speech. Aspects of semantics]. Tomsk: ITSU Publ., 2000. 190 p.
12. Laguta N.V. *O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale russkikh govorov Priamur'ya)* [On the speech genre of memories (based on the Russian dialects of Amur region)]. In: Oglezneva E.A., Arkhipova N.G. (eds.) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Vyp. Formy sushchestvovaniya sovremennogo russkogo yazyka* [Word: Folklore dialectological almanac. Forms of existence of the modern Russian language]. Blagoveshchensk: AmSU Publ., 2005, pp. 82-96.
13. Gyngazova L.G. [On the speech genre of memories (based on the language of the person)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki: Materialy Vseros. nauch. konf. “Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka”* [Topical directions of functional linguistics: Proc. of Scientific Conference “The language situation in Russia in the late 20th century”]. Tomsk: TSU Publ., 2001, pp. 167-174. (In Russian).
14. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. World modelling potential of speech genre in dialect speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14-20. (In Russian).
15. Revyakina A.V. [Interaction of the category of persuasiveness with other modus categories]. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovaniye (k 80-letiyu professora P.P. Shuby): materialy III Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch.* [Russian language: the system and functioning (On the 80th anniversary of Professor P.P. Shuba): Proceedings of the III International Scientific Conference. In 2 parts]. Minsk, 2006, pt. 2, pp. 47-50. (In Russian).

16. Evgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 volumes]. 2nd edition. Moscow, 1981–1984. Vol. 1.
17. Wierzbicka A. *Zhanry rechi* [Speech genres]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov, 1997, pp. 99-112.
18. Myznikova Ya.V. [Communicative features of speech genre "story-memoir"]. *XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya. Tezisy* [XLIII International Philological Conference. Abstracts]. SPb., 2014, pp. 256-257.
19. Shmeleva T.V. *Sub'ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya*: dis. v vide nauch. dokl. d-ra filol. nauk [Subjective aspects of the Russian utterance. Philology Dr. Diss. Report]. Moscow, 1995. 35 p.
20. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of time and aspect in the Russian language. The semantics of the narrative)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1996. 480 p.
21. Perfil'eva N.P. *Modus vospominaniya: mezhdue istinoy i lozh'yu (na materiale memuarney literatury)* [Modus of memories: between truth and falsehood (based on the memoirs)]. In: Tripol'skaya T.A. (ed.) *Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs* [Discourse of lies and lies as a discourse]. Novosibirsk, 2013, pp. 24-33.
22. Korablina T.I. Modus "Vospominanie": status i vzaimodeystvie s drugimi modusnymi kategoriyami (na materiale rasskazov E. Grishkovtsa) [Modus of "memories": status and interaction with other modus categories (based on stories by Grishkovets)]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 2, pp. 139-144.
23. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 343 p.
24. Husserl E. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1994. Vol. 1, 102 p.

Received: 19 September 2014